

ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. РАБЫ

Без раба, его труда и умения, жизнь в древней Италии замерла бы. Раб трудится в сельском хозяйстве и в ремесленных мастерских, он актер и гладиатор, учитель, врач, секретарь хозяина и его помощник в литературной и научной работе. Как разнообразны эти занятия, так и различны быт и жизнь этих людей; ошибкой было бы представлять рабскую массу как нечто единое и единообразное. Но что знаем мы об этом быте и этой жизни?

Хуже всего осведомлены мы о жизни раба-ремесленника. Археологические находки, фрески, изображения на памятниках и саркофагах познакомили нас с устройством различных мастерских и с техникой разных ремесел. Но ни эти находки, ни надписи ничего не говорят о быте рабов-ремесленников. Организация же работ в мастерских, их управление, соотношение рабского и свободного труда, управление всем производством — все эти вопросы требуют специальной разработки и выходят за рамки настоящего труда.

Лучше осведомлены мы о жизни сельскохозяйственных рабов; о них писали и Катон, и Варрон, и Колумелла. Жизнь этих рабов проходит в неустанной работе; настоящих праздников у них нет; в праздничные дни они выполняют только более легкую работу. «В дождливую погоду поищи, что можно бы сделать. Наводи чистоту, чтоб не сидели сложа руки. Сообрази, что если ничего не делается, расходу будет несколько не меньше». Пусть раб трудится до упаду, пусть он в работе доходит до той степени изнеможения, когда человек мечтает об одном: лечь и заснуть. «Раб должен или трудиться, или спать»; спящий раб не страшен. И два века спустя Колумелла наказывает виллику выходить с рабами в поле на рассвете, возвращаться в усадьбу, когда смеркнется, и следить, чтобы каждый выполнил заданный ему урок. ...

Катон в числе помещений, которые должен выстроить в усадьбе подрядчик, упоминает «комнатки для рабов». О них говорит и Колумелла, советуя устроить их в той части усадьбы, которая зимой залита солнцем, а летом находится в тени. В сельских усадьбах, раскопанных под Помпеями, неизменно есть комнатки для рабов; они невелики (6—8—9 м²); жило в них, вероятно, человека по два, а может, и по три. Найти их в комплексе строений легко: голые стены без всякой росписи, простой кирпичный пол, обычно даже не залитый раствором, который сделал бы его ровным и гладким. На стене, грубо оштукатуренной, а то и вовсе без штукатурки, иногда хорошо оштукатуренный квадрат величиной 1 м²: это своеобразная записная книжка, на которой раб выцарапывает гвоздем какие-то свои

заметки.

Утварь в этих каморках, судя по найденным остаткам, очень бедна: черепки дешевой посуды, куски деревянного топчана. Судя по инвентарю маслинника, составленному Катонем, в распоряжении его 11 рабов имелось 4 кровати с ременными сетками и 3 простых топчана. Как размещались 11 человек на 7 кроватях, это сказать трудно; ясно одно: раб не всегда располагает таким элементарным удобством, как отдельная кровать.

Общим помещением, предназначенным для всей «сельской семьи», была «деревенская кухня», где рабы могли отогреться и отдохнуть; здесь готовилась пища и здесь же рабы обедали. В долгие зимние вечера и утрами до рассвета они тут же работают: вяют веревки, плетут корзины и ульи (их иногда делали из прутьев), обтесывают колья, делают рукоятки для хозяйственных орудий. Почти во всех найденных под Помпеями усадьбах есть такая кухня с печью для выпечки хлеба и с очагом. Хозяин был, конечно, заинтересован в том, чтобы раб не проводил во сне всю зимнюю ночь, и поэтому устраивал в усадьбе это единственное теплое помещение (не считая хозяйской половины), где рабы, отогревшись, работали и были под надзором (жаровен, которыми обогревались комнаты хозяина, в каморках у рабов не было).

Кроме «развязанных рабов», т. е. тех, которые ходили без цепей и жили по своим комнаткам, бывали в усадьбе еще и закованные. У Катона они составляли постоянный контингент; Колумелла пишет, что в винограднике работают обычно колодники. Для них устроено особое помещение — эргастул: это глубокий подвал со множеством узких окошек, пробитых так высоко, что до них нельзя дотянуться рукой; сажали туда и провинившихся рабов. Колумелла рекомендовал позаботиться о том, чтобы подвал этот был как можно более здоровым: видимо, условие это не всегда помнили.

Особое положение среди сельскохозяйственных рабов занимал вилик. По мере того как хозяин, занятый государственной службой и разными городскими делами, все меньше уделял заботы своей земле, вилик становился настоящим хозяином имения и, конечно, использовал свою должность к выгоде для себя. По своему положению он пользовался рядом законных преимуществ. Один из героев Плавта, объясняя, почему он хочет выдать прислужницу жены за вилика, говорит: «...будут у нее и дрова, и горячая вода, и пища, и одежда»; Гораций конюх завидует вилику, который распоряжается и дровами, и скотом, и огородом. И еда, и помещение были у него, конечно, лучше, чем у остальных рабов. А кроме того, вилик умел находить еще разные источники дохода: перепродажу скота, утаивание семян, предназначенных для посева. Все это, конечно, строго запрещалось, но вилик превосходно умел обходить все запреты.

Что касается «городской семьи» (*familia urbana*), то здесь люди умственного труда занимали положение иное, чем лакей или повар. Известный умственный и культурный уровень поднимал раба в глазах

хозяина, а если этот раб делался для него близким человеком, то жизнь его становилась совершенно иной, чем жизнь остальных рабов (Тирон, секретарь Цицерона и друг всей его семьи; его врач Алексий; Алексий, правая рука Аттика, Мелисс, раб Мецената, ставший ему любимым другом). Эти интеллигентные люди в рабской «семье» составляли, конечно, малую группу, хотя и вообще в III и II вв. до н. э. количество домашней челяди было невелико. У Марка Антония, консуляра, было только восемь рабов; у Карбона, человека богатого, одним меньше. За Манием Курием (победитель Пирра) следовало в походе два конюха. Катон говорил, что, отправляясь проконсулом в Испанию, он взял с собой троих рабов. В I в. н. э. такой простоты в обиходе уже не было. Милон и Клодий окружили себя свитой вооруженных рабов; когда произошла их трагическая встреча, Клодия сопровождало 30 рабов, а Милон ехал с большим их отрядом. Горацию за столом, на котором стоит дешевая глиняная посуда и на обед подаются блинчики, горошек и порей, прислуживают три раба. У Марциала, неустанно повторявшего, что он бедняк, были вилик и диспенсатор, а это означает, что в его номентанской усадьбе были рабы, которыми вилик распоряжался, и было хозяйство, расчетную часть которого вел диспенсатор. В богатом доме были рабы разных категорий: привратник, в старину сидевший на цепи; лакеи-«спальники» — *cubicularii*, прислуживавшие лично хозяину и пользовавшиеся иногда весом; Сенека по крайней мере говорит о «гневе и гордости (*supercilium*) лакея»; лектикарии, несшие носилки; номенклатор, подсказывавший хозяину имена нужных ему людей; *pedisequus*, который сопровождал хозяина на обед, в гости и стоял сзади за ним; «дворецкий» (*atriensis*), ключник, повар, хлебопек, рабы, если можно так выразиться, без специальности, занимавшиеся уборкой помещения, служившие на побегушках и т. д. Можно было обзавестись собственным цирюльником, своим врачом, своей домашней капеллой.

Не иметь ни одного раба было признаком крайней нищеты; даже у бедняка Симила была рабыня. Люди богатые и не стесненные жильем приобретали рабов только для того, чтобы придать себе пышности и блеску. Ливий писал, что «чужеземная роскошь пришла в Рим с войском, вернувшимся из Азии», и в числе предметов этой роскоши называл артисток, играющих на разных струнных инструментах, и актеров. К ним же следует причислить и хоры домашних певцов; Сенека утверждал: «На наших пирушках теперь певцов больше, чем когда-то было в театрах зрителей». Одни рабы ведали уборкой комнат, другие — гардеробом хозяина, третьи — его библиотекой. У хозяйки были свои прислужницы, которые ее одевали, убирали ей волосы, смотрели за ее драгоценностями. Как в нашем аристократическом обществе XVIII в., так и в римском высшем свете I в. н. э. распространена была любовь к дурачкам и карликам. Деньги за них платили большие. Марциал шутливо возмущался, что он заплатил за дурачка 20 тысяч, а тот оказался существом разумным. Дурочку своей жены Сенека

называл «бременем, доставшимся по наследству». Он продолжает: «Мне лично противны эти выродки; если я хочу позабавиться над глупостью, то мне не надо далеко ходить: я смеюсь над собой». Рядом с дурачками стояли карлики и карлицы; «за эти уродливые, некоторым образом зловещие фигуры иные платят дороже, чем за тех, которые имеют обычный достойный вид». Проперций рассказывает об удовольствии, которое доставлял зрителям такой уродец, танцевавший под звуки бубна.

Многолюдной челяди в богатых домах даже при жестоком хозяине жилось относительно привольно: работы было мало. Толпа рабов, врывающаяся с раннего утра в господскую половину с тряпками, губками и вениками, окончив уборку, была свободна; цирюльник, подстригший и выбривший хозяина и его взрослых сыновей, мог дальше располагать собой, как хотел; чтец был занят некоторое время за обедом, а иногда еще и по утрам, пока хозяин не выходил к собравшимся клиентам. В небогатых домах рабы были заняты больше, но и то не до отказа, насколько можно судить по хозяйству Горация. Дав и его товарищи должны были превосходно себя чувствовать на то время, когда хозяин предавался своим любимым одиноким прогулкам или уезжал в «именьице, которое возвращало его самому себе». Сенека называл городских рабов бездельниками и противопоставлял их рабам сельским. Рабу, входившему в состав *familia urbana*, жилось несравненно легче, чем рабу, занятому в сельском хозяйстве, и недаром Гораций грозил Даву за его смелые речи отправкой в сабинское поместье. Раб в поместье трудился от зари до зари и не видел настоящего отдыха; городской сплошь и рядом вел полупраздное существование. «Это беспечный, сонливый народ», — пишет Колумелла, настоятельно советуя хозяину не ставить виликом раба из «городской семьи»: «они привыкли к безделью, прогулкам на Марсовом Поле, к цирку, театрам, азартной игре, харчевням и непотребным домам». Эта толпа, отравленная бездельем и городской жизнью, обычно недовольная и имевшая основания быть недовольной, не могла не внушать опасений.

Главным поставщиком рабов на италийский рынок являлась война, и период больших завоевательных войн и территориальной экспансии Рима был как раз временем, когда число рабов, все время пополнявшееся, достигло больших размеров. Достаточно привести несколько цифр: за промежуток в четыре года (205—201 гг. до н. э.) Сципион отправил в Сицилию из Африки на продажу больше 20 тыс. военнопленных; в 176 г. до н. э. после подавления Сардинского восстания было убито и взято в плен около 80 тыс.; в 167 г. до н. э. по приказу сената из семидесяти городов Эпира было продано полтораста тысяч. Т. Франк считает, что за период от 200 до 150 г. до н. э. количество военнопленных, попавших в Италию, доходило до 250 тысяч. К этому числу надо добавить еще отнюдь не малое количество людей, похищенных пиратами и проданных ими в рабство (этим же делом занимались и римские сборщики податей). Пополнялся рабский рынок в

начале I в. до н. э. и продажей детей, к которой приходилось прибегать жителям Малой Азии, чтобы хоть кое-как справиться с уплатой налогов, установленных в 85—84 г. до н. э. Суллой. Большое количество военнопленных дали войны Цезаря в Галлии: приблизительно 150 тыс. человек, продано было 53 тыс. из племени эдуатуков, все племя венетов; после осады Алезии каждый солдат получил пленного.

Положение резко изменилось при империи, когда прекратились большие войны и было уничтожено пиратство. Продажа большого количества пленных «оптом» стала событием редким. В 25 г. до н. э. Август продал в рабство все племя салассов: 44 тыс. человек; после взятия Иерусалима и окончания Иудейской войны было взято в плен 97 тыс. человек, из которых большая часть была продана. Теперь продают главным образом рабов, рожденных дома (*vernae*), своих детей, выброшенных и подобранных детей, осужденных в рабство по суду. Иногда привозят рабов соседние варварские племена: даки, сарматы, германцы.

Приказ о продаже пленных отдавался военачальником. В его власти было перебить их, оставить в качестве государственных рабов, раздать, хотя бы частично, солдатам, как это сделал Цезарь после взятия Алезии, или продать с аукциона. Продажа могла происходить или поблизости от того места, где пленные были взяты (Август распродал салассов в Эпоредии), или в Риме. Пленных продавали, надев им на голову венки, — откуда и выражение: *Sub corona vendere*; продажей ведал квестор, и вырученные деньги шли обычно в государственную казну.

При империи торговлю рабами вели преимущественно частные лица; один из таких *tango*, Тораний, был особенно известен во времена Августа; занятие это считалось презренным, но давало, видимо, неплохой доход.

Невольничий рынок находился около храма Кастора; людей продавали с аукциона, и глашатай выкрикивал достоинства продаваемых, сопровождая свою речь шуточками и прибаутками, обычными у людей этой профессии. Рабы стояли на вращающемся помосте (*catasta*) или на высоком камне (отсюда выражение: «*de lapide comparari; de lapide emere* — покупать с камня»). У рабов, привезенных с чужбины, ноги смазывали мелом — «таким видели люди на катасте Хризогона» (любимец Суллы, пользовавшийся при нем большим влиянием). Покупатель приказывал рабу раздеться, осматривал его со всех сторон, щупал его мускулы, заставлял соскакать вниз, чтобы посмотреть, насколько он ловок и проворен. Красивых юношей-рабов «хранили тайные катасты»: их прятали от глаз толпы в задней части лавок Цезарева базара. За продажей следили курульные эдилы; существовал их особый указ «о продаже рабов»; продавец должен был повесить на шею раба табличку и в ней указать, не болен ли раб какой-либо болезнью, нет ли у него физического порока, мешающего работе, не повинен ли он в каком преступлении, не вороват ли и не склонен ли к бегству. Работорговцы считались обманщиками первоклассными и, надо думать, превосходно умели

скрывать болезни тех, кого они продавали. Руф из Эфеса, врач, современник Траяна, в своем трактате «О покупке рабов» давал советы, каким образом обнаруживать те скрытые болезни, о которых продавец умалчивал в надежде, что покупатель ничего не заметит. В табличке указывалась и национальность раба: «мы покупаем дороже того раба, который принадлежит к лучшему народу»; «...национальность раба обычно или привлекает покупателя, или отпугивает его». Галлы считались прекрасными пастухами, особенно для конских табунов; рослых, здоровенных каппадокийцев покупали в богатые дома носить носилки; даки годились в овчары; врачи, чтецы, учителя, вообще образованные рабы, чаще всего были греками.

Цены на рабов в Риме в I в. н. э. были такие: 600 сестерций за рабыню считалось дешевой платой. За своего Дава, который, пользуясь свободой Сатурналий, отчитал своего хозяина, указывая ему на его недостатки, Гораций заплатил 500 драхм; способный юноша, рожденный дома и знающий греческий язык, стоил вчетверо дороже; опытный виноградарь стоил столько же. Очень дороги были рабы, которых покупали как некий предмет роскоши. За красивых юношей платили по 100 и 200 тыс.; рабыня, «купленная на Священной Дороге», стоила 100 тыс. Цезарь заплатил однажды за молодого раба такие деньги, что постеснялся внести эту сумму в свои приходо-расходные книги.

Как распределялось это количество рабов? Значительная часть работала в сельском хозяйстве, значительная — в различных мастерских; часть входила в состав «городской семьи» или становилась собственностью государства. В усадьбах, где велось полевое, виноградное и масличное хозяйство, рабов было относительно мало, судя по свидетельствам Катона и Варрона для времен республики, по свидетельству Колумеллы для I в. империи. Имена, о которых пишут и Катон, и Варрон, не занимают огромной земельной площади. Катон, земли которого находились в Кампании и Лации, владел виноградником в 100 и маслинником в 240 югеров (югер около 1/4 га); идеалом его является владение в 100 югеров, где представлены все хозяйственные отрасли. В винограднике у него работает 14 человек, в маслиннике — 11 (не считая в обоих случаях вилка и его жены). Они выполняют в обоих имениях всю текущую работу и загружены ею до отказа; для съемки винограда и маслин приглашаются люди со стороны; полевой клин сдается издольщикам. Даже для того чтобы управиться с овечьим стадом в сто голов, своих рук не хватает. Сто лет спустя Варрон, имевший в виду главным образом Сабинию (и, вероятно, Умбрию), считает нормальным имение в 200 югеров; «латифундии» представляются ему исключением. Такие работы, как уборка сена, жатва, даже сбор колосьев производятся наемной силой (это вполне естественно: нет смысла держать людей, которые будут загружены работой только в горячую пору; римские хозяева обычно хорошо учитывали, что им выгодно). На «птицефермах», о которых Варрон рассказывает, занято по несколько человек. Сазерна

(писатель конца II — начала I в. до н. э.), у которого было имение в долине р. По, берет в качестве нормы участок в 200 югеров, для обработки которого требуется 8 человек; Колумелла при расчете рабочих дней имеет в виду как раз такое имение. Раскопки под Помпеями познакомили нас с рядом хозяйств, у которых количество земли редко доходило до 100 югеров, а число рабов до десяти.

Большого числа людей требовало кочевое скотоводство (а по климатическим условиям Италии большие стада овец и крупного рогатого скота приходилось перегонять с юга, из Апулии и Калабрии, где трава летом выгорала, в Абруццы, а на зиму идти с ними обратно на юг). По свидетельству Варрона, тысячную отару грубошерстных овец поручали 10 человекам, конский табун в 50 голов — двоим, а таких отар и табунов бывало у одного хозяина по нескольку. Размах италийского скотоводства был очень велик, и число пастухов в общей сложности исчислялось тысячами; Ливий рассказывает, что в 185 г. до н. э. в Апулии не было житья от пастухов, разбойничавших по дорогам и на пастбищах. Претору удалось поймать около 7 тыс. человек, а многие убежали.

О многолюдных «городских семьях» уже говорилось. Ошибкой было бы, однако, думать, что домашняя челядь обычно исчислялась в сотнях людей. Педаний Секунд, префект Рима (61 г. н. э.), живший в особняке-дворце, мог держать 400 рабов; могли иметь сотни их и владельцы особняков, расположенных на городской периферии. При наличии у них большой земельной площади можно было выстроить для рабов отдельную казарму в два-три этажа; можно было разместить их в какой-то части огромного дома. В таком доме, каким был Дом Менандра в Помпеях, можно было отвести одну половину для хозяйственных нужд и для рабов. Но где было поселить не то что несколько сотен, а несколько десятков рабов в таких квартирах многоэтажной инсулы, в каких жило большинство римского населения? Обычная квартира площадью около 100 м² состояла из двух парадных комнат, занимавших большую часть общей площади, и двух-трех спален значительно меньшего размера, иногда еще одной небольшой комнаты-кухни и довольно узкого коридора.

Ни парадные комнаты, ни хозяйские спальни для рабов не предназначались. Оставались кухня и коридор, в которых и десяти человекам было не повернуться. Указаний на то, что рабы, прислуживающие по дому, селились отдельно от хозяев, в каком-то специально для них нанятом или отведенном бараке, мы нигде не найдем. Вопли Горация, взывающего к своим, не слишком проворным «парням», чтобы они помогли ему одеться и провожали на Эсквилин к Мecenату, неожиданно, уже поздно вечером, пригласившего поэта в гости, свидетельствуют, что Дав с товарищами живут совместно с господином. При дороговизне римских квартир снимать еще одно помещение для рабов человеку, даже хорошего достатка, было бы накладно. Обитатели инсул вынуждены были ограничивать штат своей

прислуги по той весьма простой и весьма побудительной причине, что девать эту прислугу было некуда.

Переселение из особняка в инсулу произвело целую революцию в быту не только хозяина, но и его раба. В особняке была кухня, был очаг, на котором можно было сварить еду; в инсуле имеется жаровня для хозяина и его семьи; раб пусть кормится на стороне. Он получает «месячину»: по словам Сенеки, пять модиев зерна и пять динариев. Деньги раб мог употребить на покупку разной приправы к хлебу: оливкового масла, соленых маслин, овощей, фруктов. Иногда хлебный паек выдавался не ежемесячно, а поденно, и в этом случае, по всей вероятности, не зерном, а печеным хлебом: ежедневно отвешивать зерно было бы чересчур хлопотливо, а покупать стандартный хлеб одного и того же веса легко. Возможно, что поденный паек выдавался просто деньгами.

Если жилищные условия у сельского раба были плохи, то у городского они были еще хуже. В инсуле особого помещения для него не было; рабы притыкались где придется, лишь бы найти свободное местечко. О кроватях нечего было и думать. Марциал, укладывая раба на «жалкую подстилку», писал, видимо, с натуры.

Этот горький быт делала еще горше полная узаконенная зависимость раба от хозяина — от его настроения, прихоти и каприза. Осыпанного милостями сегодня, завтра могли подвергнуть жесточайшим истязаниям за какой-нибудь ничтожнейший проступок. В комедиях Плавта рабы говорят о порке, как о чем-то обычном и повседневном. Розги считались самым мягким наказанием, страшнее был ременный бич и «треххвостка» — ужасная плеть в три ремня, с узлами на ремнях, переплетенных иногда проволокой. Именно ее требует хозяин, чтобы отстегать повара за недожаренного зайца. Эргастул и колодки, работа на мельнице, ссылка в каменоломни, продажа в гладиаторскую школу — любого из этих страшных наказаний мог ожидать раб, и защиты от хозяйского произвола не было. Ведий Поллион бросал провинившихся рабов в пруд на съедение муренам: «только при такой казни он мог наблюдать, как человека сразу разрывают на куски». Хозяйка велит распять раба, предварительно вырезав ему язык. Случай был не единственный; о таком же упоминает Марциал. Зуботычины и оплеухи были в порядке дня, и люди вроде Горация и Марциала, которые отнюдь не были злобными извергами, считали вполне естественным давать волю рукам и отколотить раба за плохо приготовленный обед. Хозяин считает себя вправе не лечить заболевшего раба: его просто отвозят на остров Асклепия на Тибре и там оставляют, снимая с себя всякую заботу об уходе за больным. У Колумеллы мелькнули хозяева, которые, накупив рабов, вовсе о них не заботятся; разбойник Булла говорит властям, что если они хотят положить конец разбою, то пусть заставят господ кормить своих рабов.

Многое, конечно, зависело от хозяина, от его характера и общественного положения. Раб, которого солдат в качестве военной добычи

приводил к себе домой, в свой старый крестьянский двор, сразу оказывался равным среди равных; ел ту же самую пищу, что и все, и за тем же самым столом, спал вместе со всеми в той же хижине и на такой же соломе; вместе с хозяином уходил в поле и трудился наравне с ним. Хозяин мог оказаться злым на работу и не давать на ней спуска, но он сам работал, не щадя сил и не жалея себя; он мог прикрикнуть на раба, но также кричал он и на сына, и в его требовательности не было ничего обидного или унижительного. В простой рабочей среде не было глупых прихотей и злого самодурства, когда какой-нибудь сенатор требовал, чтобы раб не смел раскрыть рта, пока его не спросят, и наказывал раба за то, что он чихнул или кашлянул в присутствии гостей.

Были среди римских рабовладельцев не одни изверги; мы знаем и добрых, по-настоящему человеческих и заботливых хозяев. Такими были Цицерон, Колумелла, Плиний и его окружение. Плиний позволяет своим рабам оставлять завещания, свято выполняет их последнюю волю, всерьез заботится о тех, кто заболел; разрешает им приглашать гостей и справлять праздники. Марциал, описывая усадьбу Фаустина, вспоминает маленьких *vernae*, рассеявшихся вокруг пылающего очага, и обеда, за которыми «едят все, а сытый слуга и не подумает завидовать пьяному сотрапезнику». У Горация в его сабинском поместье «резвые *vernae*» сидели за одним столом с хозяином и его гостями и ели то же самое, что и они. Сенека, возмущавшийся жестокостью господ, вел себя со своими рабами, вероятно, согласно принципам стоической философии, которые провозглашал.

Мы не можем установить статистически, кого было больше, плохих или хороших хозяев, и в конце концов это не так важно; и в одном и в другом случае раб оставался рабом; его юридическое и общественное положение оставалось тем же самым, и естественно поставить вопрос, как влияло рабское состояние на человека и какой душевный склад оно создавало. Какие были основания у Тацита и Сенеки говорить о «рабской душе»?

Чужой в той стране, куда его занесла злая судьба, раб равнодушен к ее благополучию и к ее несчастьям; его не радует ее процветание, но и горести ее не лягут камнем на его душу. Если его забирают в солдаты (во время войны с Ганнибалом два легиона были составлены из рабов), то он идет не защищать эту безразличную ему землю, а добывать себе свободу: он думает о себе, а не обо всех. Люди отняли у него все, чем красна жизнь: родину, семью, независимость, он отвечает им ненавистью и недоверием. Далеко не всегда испытывает он чувство товарищества даже к собратьям по судьбе. В одной из комедий Плавта хозяин дома велит своей челяди перебить ноги каждому соседскому рабу, который вздумал бы забраться к нему на крышу, кроме одного, и этот один отнюдь не обеспокоен судьбой товарищей: «плевать мне, что они сделают с остальными». Объединение гладиаторов, ушедших со Спартаксом, или тех германцев, которые, попав в плен, передружили друг друга, чтобы только не выступать на потеху римской

черни, явление редкое — обычно другое: люди, которые живут под одной крышей, ежедневно друг с другом встречаются, разговаривают, шутят, рассказывают один другому о своей судьбе, своих бедах и чаяниях, хладнокровно всаживают нож в горло товарищу. Цирковые возницы не остановятся перед любой хитростью, обратятся к колдовству лишь бы погубить товарища-соперника. В мирной обстановке сельской усадьбы хозяин рассчитывает на то, что рабы будут друг за другом подглядывать и друг на друга доносить. Раб отъединен от других, заботится только о себе и рассчитывает только на себя.

Раб лишен того, что составляет силу и гордость свободного человека, — у него нет права на свободное слово. Он должен слыша не слышать и видя не видеть, а видит и слышит он многое, но высказать по этому поводу свое суждение, свою оценку не смеет. Перед его глазами совершается преступление — он молчит; и постепенно зло перестает казаться ему злом: он притерпелся, обвык, нравственное чутье у него притупилось. Да и чужая жизнь интересна ему только в той степени, в какой от нее зависит его собственная; в этом мире единственное, что есть у него, — это он сам, и его будущее зависит только от него. По странной иронии судьбы этот человек, став «вещью», оказывается кузнецом своей судьбы. Ему надо выбиться из своего рабского состояния, и он выбирает путь, который кажется ему наиболее верным и безопасным: он опутывает душу хозяина ложью и лестью — усердно выполняет все его приказания, повинуется самым гнусным его прихотям; «что бы ни приказал господин, ничто не позорно», — скажет Тримальхион. Умный и наблюдательный, он быстро подмечает пороки и слабости хозяина, ловко потакает им, и скоро хозяин уже не может обойтись без него: он становится его правой рукой, советником и наперсником, заправилой в доме, грозой остальных рабов, а иногда и несчастьем для всей семьи (история Стация, раба, а потом отпущенника Цицеронова брата Квинта). Он изгибается перед хозяином: хозяин — сила, и высокомерно дерзок со всеми, в ком нет силы. Если ему будет выгодно предать хозяина и донести на него, он предаст и донесет. Моральные колебания ему неизвестны; законы нравственности его не связывают: он не подозревает об их существовании. «Сколько рабов, столько врагов», — поговорка возникла на основании опыта и наблюдения.

Не все рабы были, конечно, таковы. Были люди, которые не мирились со своей рабской судьбой, но сбросить ее путем угодничества и пресмыкания не могли и не умели. Жизнь их становилась сплошным протестом против законов злого и несправедливого мира, который подчинил их себе. Протест этот мог выражаться очень различно в зависимости от нравственного склада и умственного уровня. Одни становились просто «отчаянными»: ни плети, ни колодки, ни мельница ничего с ними не могли поделать; они пили, буянили, дерзили: это был их способ выражать свою ненависть и свое презрение к окружающему. Другие умело эту ненависть скрывали, копили ее в себе,

ожидая своего часа, и когда он приходил, обрушивали ее все равно на кого, лишь бы на сытых и одетых, на тех, кто походил на человека, который ими помыкал и втаптывал в грязь. Они расправлялись с хозяином, сбегали, уходили в разбойничьи шайки, жадно прислушивались, нет ли где восстания. В войске Спартака было много таких.

Люди, более мирные и обладавшие малым запасом внутренней силы, мирились со своей долей и старались только устроиться так, чтобы рабское ярмо не слишком натирало им шею. Они прилаживались к дому и всему домашнему строю и жили со дня на день, не заглядывая дальше сегодня, потихоньку ловчась и выгадывая себе хоть крохотный кусочек жизненных удобств и удовольствий. Полюбоваться на гладиаторов, забежать в харчевню и поболтать с приятелем, съесть кусочек мяса, отведать жирной лепешки, зайти к дешевой продажной женщине, — бедный, ограбленный людьми человек ни о чем больше не мечтал. Если он попадался на какой-нибудь не очень невинной проделке, вроде подливания воды вместо отпитого вина или на краже нескольких сестерций, и извернуться никак не удавалось, он мужественно терпел побои: неприятностей в жизни не избежать, и умение жить заключается в том, чтобы проскользнуть между ними, не очень ободрав себе кожу. Комедия любила выводить таких рабов; Плавт без них почти не обходится.

Раб отомстил хозяину, и рабские восстания были, пожалуй, наименее страшной формой этой мести. Его жизнь была обезображена — он сделал безобразной жизнь хозяина; его душа была искалечена — он искалечил хозяйскую. С детских лет хозяин привык, что его желаниям нет преграды и все его поступки встречаются только одобрением — контроль над собой утрачивается, голос совести замолкает. В его власти находится толпа этих бесправных, безгласных людей, он может делать с ними все, что хочет, — и страшные темные инстинкты, живущие в его душе, вырываются на волю: он наслаждается чужими страданиями, и в атмосфере, которая не отравлена жестокостью и произволом, ему уже нечем дышать. Он презирает рабов, и уважение к человеку и к самому себе незаметно умирает в его душе; в ней, как в зеркале, отражается «рабская душа»; хозяин становится двойником своего раба: он пресмыкается и лжет, он дрожит за свою жизнь и свою судьбу, он труслив и нагл. Сенатор ведет себя с Калигулой или Нероном, а свободный клиент со своим патроном ничуть не лучше, чем ведет себя с господами их самый подлый раб.

Нельзя было не видеть этого растлевающего влияния рабской среды. Квинтилиан, умный, прекрасный педагог, предупреждал родителей об опасности для детей «общения с дурными рабами»; Тацит считал главной причиной падения нравов то обстоятельство, что воспитание детей его современники поручают рабам, и ребенок проводит свое время в их обществе.

Была, однако, еще категория рабов, которых хозяева в слепоте своего

рабовладельческого мировоззрения считали добрыми и верными рабами. Люди эти были наделены большой долей здравого смысла, считали, что плетью обуха не перешибешь и не мечтали о царстве справедливости. В них не было героической закваски их неукротимых товарищей, которые с голыми руками кидались на штурм страшного римского государства. Они думали о себе, устраивали свою судьбу, мечтали о свободе для себя и считали, что дорогу к ней они скорее всего пробьют работой. Им претили окольные пути угодничества и низости, которыми в рабской среде шли многие. Это были порядочные люди и добросовестные работники, которые часто вкладывали в работу пыл творческого вдохновения. Эти безыменные атланты, и в рабском состоянии, и став свободными, держали на своих крепких плечах всю хозяйственную жизнь Рима. Слова Гомера «раб нерадив» к ним не приложимы. Мы видели, какое количество специалистов насчитывало в Риме «водное ведомство» (рабы — сплошь). Эти люди, от усердия и внимания которых зависела жизнь громадного города, не заслуживают имени «нерадивых», равно как и пожарники (отпущенники, т. е. вчерашние рабы), ревностно несшие тяжкую и неблагодарную службу. Рабы строили дома и базилики, водопроводы и храмы, остатки которых до сих пор вызывают изумление и восторг. Форум Траяна создал не один Аполлодор: если бы в его распоряжении не было тысяч рабских прилежных и умных рук, его замысел никогда бы не осуществился. Итальянский плодовый сад насчитывает в своем ассортименте десятки великолепных сортов. Кто их вывел? раб-садовник. Кто создал превосходную апулийскую породу овец, реатинских ослов, за которых платили десятки тысяч сестерций, прекрасных рысистых лошадей? Кто вел в глуши отдаленных пастбищ эту терпеливую работу скрещивания, наблюдения, выращивания молодняка? раб-пастух. Не были «нерадивыми» мастера, которые создали легкие помпейские столики, умело разбросали прелестный орнамент по широкому полю картибула, потрудились над деревянным сундуком или бронзовой жаровней, превращая скромную утварь в подлинное произведение искусства. С почтительным восторгом относимся мы к Спартаку и его товарищам, но и об этих незаметных, забытых тружениках думаешь с любовью и уважением.

Человеческая жизнь и человеческие отношения очень сложны и многосторонни; они не застывают в единой, единообразной форме. Облик их меняется; идут годы, с ними в жизнь вступает нечто новое; старое уходит вовсе или подвергается переработке, медленной вначале, может быть, едва заметной. Так было и в отношении к рабу, — наряду со старым пробиваются ростки нового. Римское законодательство признавало рабство узаконенным международным институтом и тем не менее считало его противоестественным. Законодатели никогда не задумывались над тем, как согласовать это противоречие, но зато никогда не провозглашали того положения, которое Аристотель положил в основу своего учения о рабстве: существуют не только люди, но целые народы, которые по самой природе

своей, по всему душевному складу предназначены к рабству и должны быть рабами. Для римского законодателя раб был движимым имуществом, вещью, но когда эта «вещь» получала свободу, она немедленно превращалась в человека и очень скоро в римского гражданина. На опыте повседневных встреч и ежедневного общения римлянин должен был признать, что эта «вещь» обладает свойствами, которые заставляют относиться к ней иначе, чем к ослу или собаке, и которые иногда таковы, что обладателя их никак уж не посчитаешь «вещью». Большинство выдающихся грамматиков, о которых рассказывает Светоний, были отпущенниками: этих рабов хозяева отпускали на свободу «за их дарования и образованность». Отпущенниками были Ливий Андроник, основоположник римской литературы, и Теренций, признанный мастер латинской комедии. «Вещь» ежеминутно могла обернуться человеком, и с этим нельзя было не считаться. Это пришлось признать самому Катону, а у него по отношению к рабам не было и проблеска человеческого чувства. Этот человек, рассматривавший раба действительно только как доходную статью, вынужден был, однако, записать совет: «пахарям угождай, чтобы они лучше смотрели за волами» (слово «пахарь» не передает всего значения *vibulus*: это был действительно пахарь, но в обязанности его входила не только пахота, на нем лежал весь уход за волами). Мы можем проследить в одной области, а именно, в сельском хозяйстве, как растет это внимание к рабу — человеку; мы располагали здесь документальными сведениями от двух столетий: Катон (середина II в. до н. э.), Варрон (конец I в. до н. э.) и Колумелла (вторая половина I в. н. э.). Катон рассматривает раба только как рабочую силу, из которой надо выжать как можно больше; никак нельзя допустить, чтобы расходы на эту силу превысили доход, который она дает: поэтому больного и старого раба надо продать, поэтому, если раб временно не может работать, ему надо на это время сократить его паек, поэтому и дождливые, и праздничные дни должны быть, насколько возможно, заполнены работой; работа должна быть выполнена во что бы то ни стало: никакие «объективные причины» в расчет не принимаются. Интересы к рабу как к человеку, мысли о том, что его работа и продуктивность ее зависят от каких-то человеческих чувств, у Катона искать нечего.

Совершенно иное наблюдаем мы уже у Варрона: необходимость заинтересовать раба в его работе сознается вполне отчетливо. Жизнь ставит всё большие требования: нужны урожаи более щедрые, доходы большие, чем те, которыми удовлетворялись деды. Богатство хозяина создается трудом раба, и хозяин начинает думать над тем, что предпринять, чтобы труд раба стал продуктивнее, как создать систему взаимоотношений, при которой «враги» («сколько рабов, столько врагов») обратили бы свою энергию не на подрыв хозяйского благополучия, а трудились бы над его созданием и преуспеванием. Хозяин начинает понимать, что работа выполняется не только мускульной силой раба, что можно работать «с душой» и что только такая

работа и хороша. Вводятся поощрения и награды, рабу разрешается иметь кое-какую собственность (*resulium*), дозволено обзавестись семьей. Вилику приказано распоряжаться словом и волю рукам давать только в крайнем случае. Катон в своем хозяйстве узаконил оплачиваемую проституцию, причем ни ему, ни его будущим поклонникам не приходило в голову, что *vir vege romanus* («настоящий римлянин») выступает здесь до некоторой степени в роли сводника, торгующего своими рабынями. У пастухов, о которых рассказывает Варрон, уже настоящая семья и, насколько это возможно в условиях кочевого быта, настоящий домашний очаг с его пусть и нехитрым, но уютом и покоем. «Вещь» обернулась человеком. Что было этому причиной? Обеднение рабского рынка сравнительно со временем Катона, когда десятки тысяч военнопленных раз за разом выводились на продажу? Вестерман, конечно, прав, приводя эту причину, но она была отнюдь не единственной, как не единственными были и соображения хозяйственные. Рабы успели ко времени, когда Варрон писал свой трактат о сельском хозяйстве, проявить себя и в государственной жизни Рима, и в домашнем быту, как силу, с которой нельзя было не считаться. Спартак дал урок, хорошо врезавшийся в память. Сулла, освобождая 10 тыс. рабов, рассчитывал на них, как на надежную гвардию телохранителей. Милон и Клодия окружает свита вооруженных рабов, которые для них и охрана, и опора. После убийства Цезаря обе стороны стараются обеспечить себе поддержку рабов; набирают их в свои войска и обещают свободу. Тирон был добрым помощником Цицерону, Стаций — злым гением его брата. Врач, секретарь, управитель хозяйством — рабовладелец каждую минуту, на каждом шагу натыкался на раба и вынужден был силой обстоятельств входить с ним в личные, близкие отношения. Все это приближало «вещь» к хозяину, заставляло в нее вглядываться, настойчиво объясняло господам, чем может быть «вещь». Объяснения запоминались. Колумелла пошел дальше Варрона: он советуется с рабами о том, что и как делать, разговаривает и шутит с ними, поощряет их наградами. Вилику запрещены телесные наказания: он должен действовать не страхом, а своим авторитетом, его должны почитать, но не бояться. Нельзя слишком напористо требовать работы: пусть даже раб прикинется на несколько дней больным и отдохнет; тем охотнее возьмется он потом за работу. Усиленно подчеркивается внимание, с которым нужно относиться ко всем нуждам раба — к его здоровью, пище, одежде. Во всех предписаниях Колумеллы звучит отношение к рабу, как к человеку: он требует от него не только работы, он хочет его благожелательности, такого отношения к хозяину, которое заставит работать с охотой, и продумывает целую систему отношений, которые эту благожелательность обеспечат. Мало того, он идет на уступки, которые улучшат существование раба.

По букве закона раб не мог иметь никакой собственности: все, что у него было, принадлежало хозяину. Жизнь внесла свою поправку в

юридические нормы. Хозяин быстро сообразил, какая для него выгода, если он позволит рабу иметь что-либо свое: во-первых, раб будет охотнее и лучше работать, рассчитывая набрать себе денег на выкуп, а во-вторых, то, что он приобретает для себя, все равно останется в качестве выкупа в хозяйских руках. Только совсем уж бессовестные хозяева накладывали руку на это рабское имущество, а собирал его раб «по унциям», по грошу, отрывая от себя необходимое, часто подголаживая, лишь бы набрать нужную сумму. Варрон рекомендовал «приложить старание к тому, чтобы у рабов был пекулий», и у пастухов, о которых он рассказывает, имеется в хозяйском стаде несколько собственных овец. Иногда рабы получали «на чай» от гостей или клиентов, иногда им удавалось что-либо своровать и «тайком увеличить пекулий». Иногда хозяин давал рабу деньги под проценты, и тот пускал их в оборот, выплачивая хозяину долг и оставляя прибыль себе. Бывало и так, что раб вел дело от хозяина, действуя от его лица, а хозяин или выплачивал ему определенное жалованье, или награждал какими-нибудь подарками. Все это шло в пекулий. Раб, у которого не имелось пекулия, считался подозрительным и негодным. «Ты хочешь отдать девушку этому рабу, ничтожеству и негодяю, у которого по сей день нет пекулия и на медный грош!» — возмущается старик-хозяин в «Казине» Плавта. Цицерон характеризует Диогнота, городского раба, как бездельника — «у него нет вовсе пекулия». Пекулий раба мог достигать иногда до такой суммы, что он получал возможность приобретать «заместителей», собственных рабов, которые помогали ему выполнять его обязанности.

И семья, в которой закон отказывал рабу, фактически у него была, хотя, с юридической точки зрения, это был не брак, а только «сожителство». Хозяин понимает, что брачные отношения в рабской среде для него выгодны: они привязывают раба к дому (недаром Варрон так настойчиво рекомендовал женить пастухов, кочевавших по Италии с хозяйскими стадами: в рабской среде пастухи были наиболее независимым и грозным элементом, и семья была очень надежным средством держать этих людей в узде), делают его податливее и послушнее, а дети, родившиеся от этих союзов, «доморощенные рабы», увеличивали рабскую familia и считались наиболее преданными и верными слугами. В быту брак раба, особенно при империи, и признается, и уважается: по закону нельзя разлучать членов семьи. На практике закон этот, случалось, обходили, и поэтому в завещаниях часто подчеркивалась воля завещателя, чтобы дети и родители оставались вместе.

В жизнь раба вмешивается и государство: появляется ряд законов, ограничивающих права хозяина. Lex Petronia de servis (19 г. н. э.) запрещает хозяину самовольно отсылать раба «на сражение со зверями» в амфитеатр; такое наказание может наложить по рассмотрении хозяйской жалобы в Риме префект города, а в провинции — ее наместник. По эдикту императора Клавдия больной раб, завезенный хозяином на остров Асклепия и брошенный там, получает в случае выздоровления свободу; убийство старого

или увечного раба считается уголовным преступлением. Адриан «запретил хозяевам убивать раба; их могли приговорить к смерти, если они ее заслуживали, только судьи. Он запретил продавать своднику или ланисте раба или служанку... уничтожил эргастулы». За жестокое обращение с рабынями он отправил одну римскую матрону на пять лет в изгнание. Раб мог обратиться к префекту города, «если хозяин жесток, безжалостен, морит его голодом, понуждает к разврату»; по рескрипту Антонина Пия жестокого хозяина заставляют продать своих рабов.

Не следует думать, конечно, что жизнь раба при империи в корне изменилась, но некоторые перемены, несомненно, в ней произошли. Страстное негодование, с которым Ювенал обрушивается на жестоких господ, размышления Сенеки над тем, что высокая душа может жить не только в римском гражданине, но и в рабе, поведение Колумеллы с его рабами, обдуманная система доброго обращения с рабом у Плиния Младшего, едкие и гневные слова, брошенные Марциалом в лицо хозяевам, тиранящим своих рабов, — все это свидетельствует о том, что в отношении к рабу произошли какие-то сдвиги. Сдвиги эти были вызваны причинами разными: были тут соображения и чисто хозяйственного порядка, и политического, и морально-философского. Законодательство не вело за собой общества, оно выражало его настроение.